

Глава 1

Январь укрыл Восточную Англию¹ белой пеленой. Снегопад продолжался, устилая мелкой крупой плоскость аэродрома, ангары со свисающими с крыш сосульками, и лишь расчищенная взлетно-посадочная полоса черной линией рассекала скованную морозом заснеженную округу. Отапливаемое помещение гауптвахты я посетил последним. Доски под окошком дежурного были поражены сырой гнилью, дверные притолоки источены червями, сами двери также подгнили внизу. Сделав отметку в планшете, я на минуту задержался, просматривая все свои записи.

Сопровождавший меня при обходе столовых и казарм старший сержант вернулся, поговорив с кем-то по телефону.

— Полковник приглашает вас выпить с ним перед вашим отъездом.

Я ничего ему не ответил, сосредоточившись на своих рабочих заметках, перепроверяя, ничего ли не упустил. Двадцать три страницы записей, а завтра я должен буду подвести общий итог, написать отчет и, разумеется, составить смету. Эта старая военно-воздушная база была в основном построена в годы войны, необработанную древесину дверей и окон латаных-перелатаных казарм защищал лишь слой краски. Были также бараки, стены которых уже начали превращаться в труху. Работы здесь был непочатый край, и от моих расчетов зависело, возьмет ли «Петт и Полдис» этот подряд и получит ли от него прибыль. Кроме того,

¹ Восточная Англия — один из девяти официальных регионов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Выходит к побережью Северного моря. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

это моя первая крупная экспертиза после того, как у компании сменился владелец.

Я закрыл планшет. Сержант повторил приглашение, и я заинтересовался, почему полковник? Я и раньше работал с базами Королевских военно-воздушных сил, и мою деятельность всегда контролировал подполковник, и ни разу полковник, начальник авиабазы.

— Не могу знать, сэр.

Он глянул на часы, стоявшие на столе.

— Он ждет вас в офицерской столовой. Так что, если вы закончили, я вас провожу.

Был уже второй час, и ни малейшего потепления, когда мы шли по обледенелой дорожке, мимо вахты, где охранники, спасаясь от холода, набились в свою застекленную будку. Морозный ветер приносил оглушительный рокот прогреваемых двигателей, выдыхаемый нами воздух превращался в облака пара. Грейт-Уз¹, должно быть, сегодня подмерзнет вдоль берегов до самого Кингс-Линна², и моя маленькая яхта, пришвартованная в одной из пробок солончаков в Блейкни³, окажется вмороженной в лед.

Полковник, высокий темноволосый мужчина с орлиным носом на иссеченном грубыми морщинами лице, ожидал меня в баре. С ним также были подполковник и майор, но он меня им не представил, и они удалились сразу же, когда полковник спросил меня, что я буду пить. Я попросил виски с имбирным вином.

— Знаете толк, — кивнул он. — А у меня сегодня полет.

Сам он пил апельсиновый сок. В баре царил сумрак, включили свет. Как только мне вручили выпивку, он повел меня к столу в дальнем углу зала.

— Я полагаю, вы немало знаете о кораблях. О деревянных кораблях.

Он указал на стул, предлагая присесть.

— Вы имеете в виду парусники?

Он утвердительно кивнул. Я сказал, что мне приходилось бывать на некоторых.

— То были учебные парусные суда.

¹ Грейт-Уз — река в Восточной Англии, впадающая в залив Уош.

² Кингс-Линн — город-порт в устье реки Грейт-Уз.

³ Блейкни — поселок на восточном побережье Англии.

Благодатное тепло достигло моего желудка.

— Кроме того, у меня есть собственная лодка. Деревянная, не из стекловолокна. А что?

— Старинные корабли, — продолжил он, не отвечая на мой вопрос. — Оснащенные прямыми парусами.

Он расстегнул карман форменной куртки и вынул несколько сложенных листов.

— Год назад в это же время я был на Фолклендских островах¹.

Полковник помолчал, глядя в бумаги. Его мысли, по-видимому, блуждали в прошлом.

— Странное место, — пробормотал он. — Самое необычное из всех, где мне доводилось нести службу.

Он поднял голову, снова устремив на меня взгляд.

— Как вы полагаете, сколько времени может просуществовать деревянное судно в Антарктике, в тех холодных условиях?

— Не знаю, — ответил я. — Зависит от множества факторов: от вида древесины, из которой построен корпус, ее состояния, от широты, о которой идет речь, от перепада температур. Кроме того, — прибавил я, — нужно знать, сколько месяцев в году древесина подвергается воздействию мороза и особенно погружена она в воду постоянно или нет. Если к ней имел доступ воздух...

Я замолчал в нерешительности, пытаюсь угадать ход его мыслей.

— Слишком много неизвестных. Нельзя ничего утверждать, не зная всех обстоятельств.

Кивнув головой, он раскрыл сложенные листки и разгладил их на колене.

Это были фотокопии чего-то, подобного страницам из записной книжки, чрезвычайно измятым и исписанным торопливым почерком, разобрать который со своего места я был не в состоянии.

— Вы ведете речь об останках кораблей, все еще находящихся в районе Фолклендских островов. Я правильно вас понимаю?

Один из руководителей нашей фирмы ездил туда, когда пароход «Великобритания» готовили к длительному буксированию назад в Бристоль, в старый сухой док, где судно было построено. Он демонстрировал снимки, сделанные им в командировке, и, поскольку консервация древесины по-прежнему является основной

¹ Фолклендские острова — архипелаг в юго-западной части Атлантического океана.

специализацией компании, на слайдах было много поврежденных и брошенных судов, снятых крупным планом, встреченных им в районе островов.

— Если вам нужна информация о старых судах на Фолклендских островах, вам лучше поговорить с Тэдом Элтоном, — посоветовал я ему.

— Нет, не в районе островов. Я не знаю, где именно, вот в чем трудность.

Он постучал пальцем по листкам в своей руке.

— Это записи из блокнота гляциолога¹. Их нашли при нем после гибели, и я сделал с них копии, прежде чем его вещи отослали назад в Лондон.

Полковник передал листки мне.

— Он, вероятно, находился в кабине пилотов, ожидая, когда покажется шельфовый ледник, в противном случае он бы его не увидел. Или он ему померещился? — медленно прибавил он.

— Что? — не понял я.

— Корабль. Большой парусный корабль, запертый льдами.

— Старинный корабль? Вы говорили о старинном судне с прямыми парусами.

Он утвердительно кивнул.

— Прочтите, что он об этом пишет.

Я взял листки и поднес к свету. Всего их было три, соединенных скрепкой, и первые слова, бросившиеся мне в глаза, были следующие:

«Мачты отсутствуют, разумеется. Лишь пеньки, покрытые льдом, равно как и палуба. Я смог разглядеть лишь общие очертания. Старинный деревянный корабль. В этом я уверен. К сожалению, моя фотокамера осталась в хвостовом отсеке вместе с остальным оборудованием. Три мачты и что-то похожее на орудийные порты², пустая обледенелая палуба с полуразрушенными фальшбортами, а позади штурвала...»

Я перевернул страницу. Почерк резко стал очень неровным, почти нечитаемым, как будто самолет вошел в зону турбулентности.

¹ Гляциология — наука, изучающая лед во всех его формах.

² Орудийный порт — отверстие в борту судна для стрельбы из орудий.

«...фигура человека. Рулевой, примерзший к штурвалу. Вот на что это было похоже. Призрак человека и призрак корабля, и все укрыто белым одеялом снега и льда, видны лишь очертания. А потом все исчезло, осталось лишь слепящее глаза сияние льда. Я почти решил, что мне это померещилось, но именно так это и выглядело...»

На третьей странице он сделал схематический набросок судна.

— Вы показывали это кому-либо, кто разбирается в старинных кораблях? — спросил я полковника.

— Лично я нет, — ответил он. — Но Национальный морской музей дал свое заключение по этому вопросу. По их мнению, корабль похож на фрегат начала девятнадцатого века. Безусловно, это в значительной мере догадки. Рисунок слишком примитивный, чтобы говорить наверняка, и у них возник вопрос, который задает каждый, кто читал эти записи: действительно ли Сандерби видел корабль или то была галлюцинация. Его звали Чарльз Сандерби.

Он замолчал, теребя мочку уха.

— Перед тем он был в отпуске по болезни, очевидно, психического свойства, — сказал он неуверенно. — Результат проведенной на Мак-Мёрдо¹ зимы. Он проделал несколько поездок на снегоходе по паковому льду² к айсбергам, исследуя массивные напластования, формирующиеся, когда новый слой льда нарастает поверх более старого.

Повернув голову, он вдруг пристально на меня посмотрел.

— Итак, возвращаюсь к своему вопросу: могло ли судно конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века просуществовать почти два столетия в той части света? Насколько мне известно, на Аляске и на севере Канады, где нет термитов, дерево сохраняется почти что вечно. Лафеты из Форт-Черчилля относятся к годам становления «Компании Гудзонова залива»³.

— Это в значительной степени зависит от уровня влажности в летние месяцы, — заметил я. — Но даже если дерево уцелеет, что будет с кораблем в целом?

Он кивнул, соглашаясь.

¹ Мак-Мёрдо — антарктическая станция.

² Паковый лед — многолетний полярный лед.

³ Основана в 1670 году.